

Copyright © 2026 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2026. 21(1): 368-376
 DOI: 10.13187/bg.2026.1.368

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

The Discourse of Religious Policy of Russia in the Steppe Region and Turkestan in Personal Texts of Imperial Experts of the second half of the 19th – early 20th centuries

Mendigul S. Nogaibayeva ^{a, *}, Ulan K. Zhanaliev ^b, Gulzhazira E. Abykenova ^a,
 Gulnar K. Balakhmetova ^c

^a Al-Farabi Kazakh National University, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Alikhan Bokeikhan University, Semey, Republic of Kazakhstan

^c Kazakh National Pedagogical University named after Abai, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article, using personal texts by officials of the highest provincial administration, employees of resettlement agencies, publicists, and public and church figures, reveals the views of imperial experts on the religious policy of the Russian Empire in the Steppe Region and Turkestan in the second half of the 19th and early 20th centuries. The study establishes that the political and public elites of the Russian Empire shaped their ideas about the organization of religious space on the country's eastern borderlands by embracing the high civilizing mission of the Russian people, which was regarded as a tool for culturization in non-Russian communities. The dominant belief in the authorities and public opinion was that knowledge and belonging to European civilization justified the moral superiority of Russians over the non-Russian populations of the outskirts, and that the introduction of agricultural practices among nomadic peoples would inevitably lead to the transition of the indigenous peoples to a sedentary lifestyle. At the same time, it was widely believed that nomads, by adopting the economic models of the Russian peasant, would finally integrate into the family of Christian peoples and avoid the influence of Islam and Muslim agitators. In the discourse of the government and society in the second half of the 19th century, the rhetoric of ignoring Islam prevailed. Amidst the growth of unauthorized resettlements and ill-considered land use policies, the situation changed in the Steppe Region and Turkestan in the late 19th and early 20th centuries, a change reflected in the views of imperial experts: the peasantry's cultural influence on the nomadic population was deemed exaggerated, and the position of Islam among non-Russians, especially under the policy of religious tolerance legitimized in 1905, was significantly strengthened.

Keywords: religious policy, population policy, imperial experts, views, discourse, Steppe Region, Turkestan, resettlements, Orthodoxy, Islam.

1. Введение

По остроумному замечанию П. Верта, возросший в постсоветский период интерес к религиозным вопросам в российской истории заключался в рецепции таких понятий, как «религия», «духовенство», «церковь» исключительно в контексте функционирования православия, без указания на религиозную мозаичность населения Российской империи (Верт, 2012: 6). Добавим к этому, что религиозная политика России в центре и на окраинах также рассматривалась исследователями в «оптике» православного доминирования, вне учёта широкого круга акторов имперской политики населения, в том числе и в конфессиональном вопросе.

* Corresponding author

E-mail addresses: nmskaz1129@gmail.com (M.S. Nogaibayeva), kurmetkalievich@mail.ru (U.K. Zhanaliev), agulzhazira@mail.ru (G.E. Abykenova), g_ball_01@mail.ru (G.K. Balakhmetova)

Между тем, смещение траектории имперской колонизации от сибирских губерний к Степному краю и Туркестану, наметившееся в 1870-х гг., актуализировало общественно-политический и властный дискурсы культурной интеграции аборигенных народов в российский социум, что в значительной степени актуализировало проблему религиозной принадлежности населения. Стремление государства к «освоению» восточных окраин в этот период соотносилось с широко декларируемым российскими национал-консерваторами призывом к преодолению этнической неоднородности и созданию «большой русской нации» (Катков, 2009). Объективным контраргументом политики культурной унификации являлась российская модель политики – самодержавное (династическое) государство, опиравшееся в своей деятельности именно на культурно-религиозное многообразие, признание и трансляцию различий, допускаемых при условии сервильности этнических и конфессиональных сообществ по отношению к государству. В данном отношении значимым видится обращение к представлениям власти и разных слоёв российского общественно-политического поля о логике и содержании религиозной политики Российской империи и её акторах в периферийных регионах, определяемых во второй половине XIX – начале XX в. в качестве своего «собственного Востока», административно и культурно инкорпорируемого в общеимперское пространство.

2. Материалы и методы

Обращение к кругу вопросов, связанных с формулированием властью принципов религиозной политики империи в пределах азиатской периферии, определяемой в качестве «собственной» территории, нуждавшейся в административной организации и ментальном присвоении, предопределило выбор и иерархию источников в настоящей статье. Поскольку одним из центральных «персонажей» работы является сообщество имперских экспертов, объединённое общей социокультурной идентичностью и профессиональными обязанностями, целесообразным оказалось обращение к личным текстам правительственных чиновников, командированных по делам службы в Степной край и Туркестан, путешественников, посещавших эти регионы с частными и государственными целями, литераторов и журналистов, представивших на страницах очерков, заметок, травелогов свои впечатления об окраинах, в том числе и в аспекте конфессионального уклада и образа жизни населения (Венюков, 1877; Иванов, 1890; Трегубов, 1909; Кауфманский сборник, 1910; Вошинин, 1914).

Вспомогательную функцию в организации источникового материала, отразившего дискурс религиозной политики в исследуемых регионах, выполнили обобщающие работы аналитического и статистического характера, посвящённые спектру вопросов колонизации восточных окраин и описанию религиозных практик как инструмента инкорпорации этнически разнообразного населения в имперский социум (Остафьев, 1895; Семёнов, 1903; Семёнов, 1907; Семёнов, 1913).

Для решения поставленных задач были аккомодированы неопубликованные материалы официального делопроизводства, исходящие от акторов высшей бюрократии Степного края и Туркестана, продемонстрировавшие представления имперского чиновничества о формах и методах реализации государственной религиозной политики на региональном уровне. Важные сведения были привлечены из Ф. 3 (Главное управление Западной Сибири) Государственного исторического архива Омской области (ГИАОО) (Омск, Российская Федерация). Наибольшей ценностью для осмысления содержания дискурса религиозной политики Российской империи в Степном крае обладают Всеподданейшие отчёты высшей региональной администрации за 1876-1877 гг., а также отчёты и докладные записки чиновников особых поручений, командированных по служебным делам в Акмолинскую и Семипалатинскую области. Так, в отчёте военного губернатора Акмолинской области генерал-майора В.С. Цытовича поднимались важные вопросы, связанные с заселением Степного края выходцами из Европейской России и обустройством коренного населения, что требовало разработки временного положения, учитывавшего этническую и религиозную специфику региона (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8, Д. 13315. Л. 478–480). Во Всеподданейшем отчёте генерал-губернатора Западной Сибири, составленном на основании рапорта старшего чиновника особых поручений Н.Н. Балакшина, делался акцент на необходимости принятия в степных областях крестьян-переселенцев, что послужило бы установлению баланса христиан и мусульман в условиях колонизации Степного края (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13315. Л. 561).

В архивохранилищах Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) (Алматы, Республика Казахстан) были обнаружены и вовлечены в исследовательскую канву материалы «Фонда канцелярии Степного генерал-губернатора (1868–1917)», включающие в свой состав журналы совещаний и комиссий по вопросам переселения и колонизации, стенограммы выступлений чиновников канцелярии о землеустройстве «инородцев», установлению норм земельного обеспечения, а также практиках урегулирования конфликтов между русским и киргизским населением на почве религиозных расхождений (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 395. Л. 230–256).

Материалы Центрального государственного архива Республики Узбекистан (ЦГА РУз) (Ташкент, Республика Узбекистан), отложившиеся в Ф. И-1 «Канцелярия Туркестанского генерал-губернатора, дают возможность составить представление о содержании и динамике политики населения в Туркестанском крае в обстоятельствах переселенческого дела конца 1860–1880-х гг. В отчётах Туркестанского генерал-губернатора и делопроизводственной переписке региональных чиновников разных уровней предметно

фиксируется реакция чиновничества на рост мусульманского влияния в крае, которое актуализировалось в обстоятельствах поземельных конфликтов и нерешительных действий власти в вопросе религиозных отношений (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 56–118).

Статья написана в парадигме направления «новая культурно-интеллектуальная история», ориентированного на признание активной роли языка, текста и нарративных структур в конструировании исторической реальности, что предполагает изучение дискурсивных практик как единого концептуального пространства, образуемого тематически связанными текстами. Один из авторов понятия «дискурс» М. Фуко полагал, что для того, чтобы «восстановить дискурс, отыскать безгласные, шепчущие, неиссякаемые слова, которые оживляются доносящимся до наших ушей внутренним голосом, необходимо восстановить текст, тонкий и невидимый, который проскальзывает в зазоры и между строчками, и потом раздвигает их» (Фуко, 1996: 28).

Основными методами исследования являются метод дискурс-анализа и контент-анализа, что позволило, ориентируясь на подходы новой культурно-интеллектуальной истории, выявить в личных текстах имперских экспертов, опубликованных в результате путешествий, деловых командировок, реакции на текущие события в виде статей и заметок в прессе, ключевые паттерны дискурса представлений в обществе о конфессиональном пространстве Российской империи на восточных окраинах.

4. Обсуждение

В историографии тема представлений элитарных групп о вопросах религиозного строительства на окраинах влетает в канву имперского осмысления российской колонизации степных областей и оазисов Туркестанского края. По констатации Р. Джераси, покорение Центральной Азии и утверждение там русского административно-управленческого порядка началось в относительно спокойные годы либеральных реформ и продолжалось в условиях сложной внутриполитической обстановки конца XIX – начала XX в.: роста социальной турбулентности и распространения радикальных, в том числе и националистических идей, в образованной части общества. Стремление к обеспечению политической лояльности национальных меньшинств, как справедливо полагает историк, стимулировало интерес российских путешественников, чиновников, учёных к исследованиям материальной и духовной культуры, этнического облика и религиозных убеждений коренных народов Центрально-Азиатского региона (Джераси, 2013: 24). П. Верт, развивая тему имперской колонизации Центральной Азии в аспекте культурного встраивания коренных этносов в социальную систему координат российского общества на окраинах, особое внимание обратил на имевшую место недооценку религиозной составляющей данного процесса, а именно: религиозное разнообразие населения, специфику функционирования духовных институтов автохтонных народов, что направляло имперские власти к организации жизни российских подданных именно на основе их религиозной принадлежности (Верт, 2012: 5).

Очерченное направление поддерживается и развивается в работах историков конца XX – первой четверти XXI в., в которых авторы смещают исследовательские акценты от деятельностных аспектов религиозной политики империи на восточных окраинах к дискурсивным практикам её конструирования, выявлению представлений элит о путях формирования принципов решения религиозного вопроса в Степном крае и Туркестане (Ремнёв, Суворова, 2013; Абашин, 2008; Абашин, 2016; Peretyatko, 2024; Лысенко, 2020; Дашковский, Шершнёва, 2015; Чуркин, 2024).

5. Результаты

Во второй половине XIX в. в связи с перенесением центра тяжести колонизационного дела в степные области, сопредельные с западно-сибирскими территориями и Туркестаном, вопрос вероисповедания новых подданных стал важной частью религиозной политики Российской империи на окраинах, в обсуждение которого оказался вовлечён широкий круг специалистов, образовавших сообщество имперских экспертов. Представители центральной и местных администраций, чиновники различных учреждений и ведомств, учёные-востоковеды, педагоги и общественные деятели, священнослужители Русской православной церкви и служащие миссий – вот далеко не полный перечень лиц, так или иначе вовлечённых в дискурс, фиксировавший представления политических и культурных элит о новых землях на востоке империи, способах их административной организации и формах коммуникации с численно преобладавшим инородческим населением.

Необходимо отметить, что имперские представления о формах и методах присоединения Степного края и Туркестана во второй половине XIX – начале XX в. складывались в специфических этнокультурных и религиозных обстоятельствах, отличных от колонизационного опыта, накопленного в предшествующий период. Безусловно, создание форпостов российской колонизации в Зауралье предполагало соприкосновение с представителями иных этносов и вероисповедальных концепций, однако, например, в процессе освоения пространств Западной Сибири, начавшегося ещё на рубеже XVI–XVII вв., русский православный элемент постепенно становился преобладающим вследствие военно-земледельческого характера проекта колонизации. Культурная интеграция инородцев в хронологических границах XVII–XIX вв. шла быстрыми темпами, чему способствовали

процессы урбанизации и крестьянских миграций из европейской части страны. По данным В.П. Семёнова, приведённым на начало XX столетия (1907 г.), великороссийское и малороссийское крестьянство в губерниях Тобольской и Томской составляло 92 % от всего населения, тогда как на инородческий сегмент приходилось всего 8 % жителей региона; в религиозном отношении лидирующие позиции принадлежали православным и старообрядческим группам – 94 %, а сторонников ислама насчитывалось – 3,5 % (Семёнов, 1907: 222-223).

Совершенно иначе выглядело распределение населения по этническому и вероисповедному составу в центральноазиатских владениях России. Так, в Степном крае преобладающие позиции занимали инородцы – 74,4 % против 25,3 % великороссов от общего состава населения. Придерживавшиеся христианства (26,5 %) уступали в численности мусульманам (73,5 %) (Семёнов, 1903: 184-185). Сходная диспозиция ещё более чётко прослеживалась в Туркестане, где русское население в конце XIX – начале XX в. составляло всего 3,7 %, а к сторонникам ислама принадлежало 95,6 % жителей региона (Семёнов, 1913: 353, 359).

Конструирование политики населения в Степном крае и Туркестане имперской властью, с учётом региональной религиозной специфики, происходило в условиях действия двух определяющих и, во многом, антагонистических тенденций:

Первая тенденция заключалась в продвижении практик седентаризма и веротерпимости как инструментов культурно-религиозной интеграции коренного населения Центральной Азии в представлениях власти и общества (вторая половина XIX в.). Фактор преобладания инородческого населения над русским, а также сторонников ислама над представителями христианских конфессий в регионах, входивших на востоке в орбиту российского влияния и геополитических интересов до середины XIX в., воспринимался политическими и общественными элитами в контексте цивилизующей функции ислама как инструмента умиротворения пограничья и седентаризации степняков-кочевников. Как пишет Р. Круз: «Екатерина II и её преемники не пытались навязать религиозное единообразие своим подданным неединоверцам, а выработали политику веротерпимости, чтобы такие религии как ислам, стали фундаментальными структурными блоками империи» (Круз, 2020: 9). Во второй половине XIX в. тезис о терпимом отношении к иноверцам, в том числе приверженцам ислама на восточных окраинах, получил теоретическую подпитку в российских востоковедческих штудиях, определивших представления интеллектуалов-практиков о «русском Востоке» как пространстве, колонизируемом в результате смешения коренного и пришлого населения (Тольц, 2010: 275). Российский путешественник, географ и военный деятель М.И. Венюков, находившийся под влиянием востоковедческих теорий, писал: «...Религиозная нетерпимость совершенно чужда русским людям, и покорённые ими магометане, ламаиты и шаманы не лишены никаких гражданских прав за то, что они иноверцы» (Венюков, 1877: 114-115).

Идеи российских ориенталистов о естественном, органическом росте Российской империи преломлялись в дискурсе экспертов в представления, согласно которым преодоление культурных различий, в том числе и в части религиозной, будет происходить постепенно, в результате «взросления» инородцев, перехода их к оседлому образу жизни, что приведёт к окончательному разрыву не только с языческими предубеждениями, но и нехристианскими вероисповедными концепциями, в частности – с исламом. В качестве наиболее эффективного инструмента культурной политики в среде численно доминирующих инородцев российские чиновники разных уровней видели крестьянские переселения из Европейской России. Так, по заключению генерал-губернатора Западной Сибири Н.Г. Казнакова: «Осторожное...водворение внутри степей оседлого населения, частое общение русского населения с киргизами и наглядный пример более удобной жизни представляют единственное средство, могущее смягчить нравы и поднять уровень благосостояния полудикого народа» (Остафьев, 1895: 8). В 1870–1880-х гг. в дискурсе региональной бюрократии Степного края присутствовали тревожные интонации в связи с тем, что сдерживание крестьянских переселений тормозит процесс перехода кочевников-казахов к оседлому образу жизни, тогда как «водворение русских поселенцев в степных областях... уравновесило бы в степях мусульманский элемент русской народностью» (ГИАОО. Ф. 3. Оп. 8. Д. 13315. Л. 652).

Если в дискурсе культурной политики Российской империи в Степном крае акцент делался на седентаризации аборигенного населения в контексте эскалации переселенческого движения в регион и организации русских посёлков, а крестьяне-переселенцы позиционировались в качестве культуртрегеров, призванных отвратить инородцев от их религиозных воззрений, то риторика разноуровневой бюрократии Туркестанского края в вопросе вероисповедания строилась по другим лекалам. Создание Туркестанского генерал-губернаторства и назначение на должность главного администратора региона К.П. фон Кауфмана, по свидетельству его биографов, происходило в обстоятельствах «массовых злоупотреблений, общего недоверия и злобы на русскую администрацию..., а также антироссийскими настроениями в независимых и полунезависимых ханствах, окружавших Туркестан» (Кауфманский сборник, 1910: X). Кауфман, организуя административное управление краем и намереваясь обезопасить торговлю русских купцов в Центральной Азии от посягательств ханов и беков Коканда и Бухары, в одной из программных речей указывал, что местные власти там нарушают мусульманские законы (Кауфманский сборник: XVI).

Тем самым косвенно сообщалось об особом статусе ислама в колонизируемом регионе. В представлениях и административных практиках А.П. фон Кауфмана, как пишут его современники, основополагающим являлся принцип «последовательного игнорирования мусульманства с его фанатическими учреждениями, усвоенное в том убеждении, что всякая иная система отношений государственной власти к мусульманской религии оказалась бы здесь, в крае, решительно непригодной» (Иванов, 1890: 227). Непосредственные участники колонизационного дела в Туркестане, ставшие очевидцами управления первого генерал-губернатора региона, иронизировали: «Ставя инспектору народных училищ в обязанность посещать не только русские, но и мусульманские школы, он в то же время давал словесное приказание не осмеливаться и заглядывать в последние, чем ослабляя бодрость своих подчинённых и поднимал дух мусульманских деятелей» (Иванов, 1890: 227).

Вместе с тем позиция региональных губернаторов, прежде всего в Туркестанском крае, определялась принципами имперской политики религиозной терпимости, положения которой фиксировались в делопроизводстве Святейшего Синода. В 1868 г. на имя туркестанского генерал-губернатора поступило из синодальной канцелярии на первый взгляд однозначное указание «обратить особое внимание на меры, долженствующие приостановить дальнейшее усиление ислама», сопровождаемое припиской – «...не возбуждая там волнения и неудовольствия в мусульманском населении...» (Абашин, 2016: 363).

Политика индифферентного отношения к исламу и исламскому миссионерству в Туркестанском крае на рубеже XIX–XX вв. подверглась жёсткой критике, в которой акторы дискурса, представлявшие клир и светские сообщества, негативно оценивали последствия «заигрывания» высшей региональной бюрократии с адептами ислама. Священник, член Государственной Думы о. Иван Трегубов в одной из своих публикаций в епархиальной прессе писал о необходимости «искупить грех небрежения нашего правительства, благодаря которому мусульманство приобрело 5 млн. киргиз-кочевников» (Трегубов, 1909: 29). Журналисты консервативного издания «Русский вестник» с негодованием писали о том, что местное чиновничество Туркестана, демонстрируя свою веротерпимость, «ходили с муллами в мечети, по случаю открытия русско-туземных училищ,...думая, что этим оказывают услугу отечеству, способствуют сближению мусульманства с христианством. А между тем, только возбуждали этим неудовольствие правоверных мусульман» (Иванов, 1890: 230).

Вторая тенденция проявлялась в том, что дискурс религиозной политики в центральноазиатских регионах на рубеже XIX–XX вв. разворачивался в обстоятельствах кризиса теории «органического роста». Имперская политика населения, активно реализуемая Российской империей на восточных окраинах, опиралась на твёрдое осознание исполнения высокой цивилизаторской миссии, конечная цель которой заключалась во всеобщем доминировании сельскохозяйственной обработки земли, переходе кочевников в оседлое состояние, преодолении религиозного разнообразия, что обеспечит стирание культурных различий между русским и инородческим сегментами социума.

Позиция власти, артикулируемая в текстах имперского чиновничества и деятелей Русской православной церкви, сводилась к следующим положениям: «...русская колонизация,...при лучшем устройстве казачьих и крестьянских отношений к кочевникам окажет со временем прямое воспитательное влияние на массу туземного населения» (Иванов, 1890: 229); «кочевое состояние наших инородцев мало располагало к принятию христианства. Переход к оседлой жизни будет началом приобщения их к христианской церкви» (Трегубов, 1909: 30); «между киргизами южных уездов издавна ведется хлебопашество примитивным способом, с водворением же крестьян из южных губерний Европейской России, хорошо знакомых с ведением степного земледельческого хозяйства, киргизы начали усваивать лучшие способы земледелия и увеличивать свои запашки» (ЦГА РК. Ф. 64. Оп. 1. Д. 395. Л. 242). В.П. Воцинин, по результатам своей поездки по земледельческим местностям Туркестанского края, свидетельствовал в оптимистическом тоне: «Там на высоких предгорьях, только теперь орошаемых, начинает селиться русский народ, ...а вместе с ним в толщу туземных предрассудков и верований начинает проникать культура русская. Так, по рассказам и слухам, незримо растёт и крепнет Туркестан “новый”» (Воцинин, 1914: 11-12).

Однако ожидания, свойственные представителям властных и общественно-политических элит в конце XIX – начале XX в., существенно расходились с практическим ходом и результатами колонизационного дела в Степном крае и Туркестане. В чём это выражалось?

Во-первых, обвальная скорость роста переселенческого движения на восточные окраины империи при отсутствии внятной организации данного процесса и специализированных учреждений стимулировал конфликтность в вопросе поземельного обеспечения мигрантов и тотальную конфронтацию как в крестьянской среде, так и с инородческими группами населения, что ставило под сомнение тезис о позитивном культурно-религиозном влиянии переселенцев на коренные народы. В. Остафьев, описывая массовый характер поземельных и культурных конфликтов старожилов и переселенцев с инородцами в Степном крае, констатировал преувеличенность надежд, связанных с переселенческим движением, поскольку «переселенцы буквально наводнили все казачьи и крестьянские поселения, но так как везде было переполнено, то они массами блуждали из посёлка в посёлок...» (Остафьев, 1895: 15). Столь же критически автором оценивались земледельческие и

культуртрегерские способности некоторых групп русского населения, которых власть позиционировала в качестве главных субъектов колонизации: «Все усилия администрации сделать казака военным и земледельцем не увенчались успехом, даже громадный земельный надел (40-50 десятин), чудные природные условия не сделали из казака хозяина-землепашца» (Остафьев, 1895: 7).

В Туркестанском крае, где переселения носили ещё более неорганизованный, хаотичный характер, разочарования в культурной эффективности от аграрных миграций были выражены ещё более рельефно.

Чиновник по особым поручениям Пашкевич писал: «Явившиеся в Кугартскую волость переселенцы, с семьями и имуществом, очутились в крайне тяжелом положении... Вынужденные так или иначе устраиваться, крестьяне производят самовольный захват земли, принадлежащей киргизам, причем заметно развиваются бродяжнические наклонности... Нельзя поручиться, что по возвращении киргиз с летовок на зимние стойбища между ними и русскими переселенцами не возникнут недоразумения, которые могут иметь самые серьезные последствия» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 62). Подобные опасения подкреплялись свидетельствами других участников переселенческого дела в Туркестане: «Состав самовольных переселенцев в Кугарт – всевозможный сброд из разных областей и губерний: из Семиреченской области, из Войска Донского, Акмолинской, Томской, из Киевской губерний. Вместе с переселенцами-хлебопашцами понабрело много разных неудачников, как-то: выгнанные из полицейской службы, бывшие лесные объездчики, запасные нижние чины, совершенно отвыкшие от земледельческого труда» (ЦГА РУз. Ф. И-1. Оп. 17. Д. 811. Л. 64).

Во-вторых, невнятная религиозная политика в отношении ислама и влиятельных мусульманских проповедников ограничивала, как в Степном крае, либо вовсе исключала, подобно Туркестанскому краю, деятельность духовных миссий по христианизации инородцев и широкого религиозного просветительства в среде русского населения. Активная работа служащих миссий среди кочевого населения в Степном крае началась только с 1895 г., когда Киргизская духовная миссия выделилась из Алтайской, получив самостоятельный статус, а в Туркестанском крае миссионерская работа до 1917 г. носила фрагментарный характер, охватывая преимущественно Семиреченскую область как приграничье со Степным краем (Лысенко, 2012: 194-198). Подробный анализ деятельности православных миссий и их ограниченного влияния на конфессиональную структуру Степного края представлен в специальном исследовании коллектива авторов (Mamraimov et al., 2024). Закономерным итогом слабой вовлечённости РПЦ и её подразделений в миссионерские практики стали незначительные результаты христианизации кочевого населения, а после принятия Манифеста о веротерпимости 1905 г., когда в переселенческом потоке в Степной край и Туркестан значительную долю стали составлять религиозные диссиденты (раскольники), адепты деструктивных сект, сил и средств церковных институций оказалось недостаточно для решения главной задачи религиозной политики империи – «приобщения к христианской церкви всех групп населения и просвещения народов светом православной веры» (Трегубов, 1909: 30).

5. Заключение

Таким образом, дискурс религиозной политики Российской империи в Центральной Азии являлся интеллектуальным конструктом, основные положения которого фиксировались в представлениях политических и общественных элит: высшего регионального чиновничества, переселенческой бюрократии, публицистов, общественных и церковных деятелей. Следует отметить, что во второй половине XIX – начале XX в., в обстоятельствах социальной, экономической и социокультурной модернизации, вызванной либеральными реформами, происходили важные изменения в образе жизни, социальном поведении и культурных практиках элитарных слоёв российского общества, что проявилось в готовности и способности включения этой группы в решение важных государственных задач. Вместе с тем, мировоззрение имперских экспертов формировалось в контексте и под влиянием научных конвенций эпохи, что дистиллировалось в устойчивые ориенталистские воззрения.

Рефлексия религиозной политики России в Степном крае и Туркестане изначально опиралась на представления элит о цивилизаторской миссии русского народа в отношении этнических и религиозных сообществ азиатской периферии, маркируемой как «собственного Востока», органической части имперского пространства, нуждавшегося в культурной интеграции. Во второй половине XIX ст. в дискурсе религиозной политики в центральноазиатском регионе доминировал мотив игнорирования ислама как наиболее массовой вероисповедной концепции, отказ от которой в среде кочевых инородцев должен был произойти в результате «культурного взросления» и перехода к оседлому образу жизни под влиянием переселенческого движения из Европейской России.

Беспочвенность ожиданий естественной культурной интеграции инородцев Степного края и Туркестана стала очевидна в конце XIX – начале XX в., что было обусловлено слабым культуртрегерским потенциалом русского крестьянства, активизацией на этом фоне мусульманских проповедников, завершивших процесс исламизации коренного населения регионов.

Литература

Абашин, 2008 – Абашин С.Н. Размышления о «Центральной Азии в составе Российской империи» // *Ab Imperio*. 2008. № 4. С. 456-471.

- Абашин, 2016** – Абашин С.Н. Туркестан в имперской политике России: монография в документах. М.: Кучково поле, 2016. 880 с.
- Венюков, 1877** – Венюков М.И. Очерк политической этнографии стран, лежащих между Россиею и Индиею. СПб.: тип. В. Безобразова и К°, 1877. 22 с.
- Верт, 2012** – Верт П. Православие, инославие, иноверие. Очерки по истории религиозного разнообразия Российской империи. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 280 с.
- Воциннин, 1914** – Воциннин В.П. Очерки нового Туркестана. Спб.: Тип. т-ва «Наш век», 1914. 86 с.
- ГИАОО** – Государственный исторический архив Омской области.
- Дашковский, Шершнёва, 2015** – Дашковский П.К. Шершнёва Е.А. Религиозная политика Российской империи в отношении мусульманских общин Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в. // *Народы и религии Евразии*. 2015. № 8. С. 242-264.
- Джераси, 2013** – Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 348 с.
- Иванов, 1890** – Иванов А. Русская колонизация в Туркестанском крае. Спб.: Тип. Т-ва «Общественная польза», 1890. 244 с.
- Катков, 2009** – Катков М.Н. Идеология охранительства. М.: Институт русской цивилизации, 2009. 800 с.
- Кауфманский сборник, 1910** – *Кауфманский сборник*, изданный в память 25 лет, истекших со дня смерти покорителя и устроителя Туркестанского края генерал-адъютанта К.П. фон-Кауфмана. М.: Типо-литография И.Н. Кушнерёва, 1910. 247 с.
- Круз, 2020** – Круз Р. За пророка и царя. Ислам и империя в России и Центральной Азии. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 408 с.
- Лысенко, 2012** – Лысенко Ю. А. Религиозная политика как механизм закрепления имперских позиций России в Туркестанском крае (вторая половина XIX – начало XX в.) // *Вестник Томского государственного университета. История*. 2012. № 4(20). С. 194-198.
- Лысенко, 2020** – Лысенко Ю. А. Органы государственной власти и мусульманское население Степного генерал-губернаторства: опыт взаимодействия в решении социально-экономических проблем (начало XX в.) // *Вопросы истории*. 2020. № 10 (1). С. 245-259.
- Остафьев, 1895** – Остафьев В.А. Колонизация степных областей в связи с вопросом о кочевом хозяйстве. Омск: Тип. Окр. Штаба, 1895. 68 с.
- Ремнёв, Суворова, 2013** – Ремнёв А.В., Суворова Н.Г. Колонизация Азиатской России: имперские и национальные сценарии второй половины XIX – начала XX века. Омск: Издательский дом «Наука», 2013. 248 с.
- Семёнов, 1903** – Семёнов В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 18. Киргизский край. Спб.: Издание А.Ф. Девриена, 1903. 478 с.
- Семёнов, 1907** – Семёнов В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 16. Западная Сибирь. Спб.: Издание А.Ф. Девриена, 1907. 591 с.
- Семёнов, 1913** – Семёнов В.П. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. Т. 19. Туркестанский край. Спб.: Издание А.Ф. Девриена, 1913. 861 с.
- Тольц, 2010** – Тольц В. Российские востоковеды и общеевропейские тенденции в размышлениях об империях конца XIX – начала XX века // *Imperium inter pares: Роль трансферов в истории Российской империи (1700–1917): Сб. ст.* / Ред. Мартин Ауст, Рикарда Вульпиус, Алексей Миллер. М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 266-308.
- Трегубов, 1909** – Трегубов А. Колонизация и ислам // *Омские епархиальные ведомости*. 1909. № 24. С. 29-31.
- Фуко, 1996** – Фуко М. Археология знания. Киев: Ника-Центр, 1996. 208 с.
- ЦГА РК** – Центральный государственный архив республики Казахстан.
- ЦГА РУз** – Центральный государственный архив Республики Узбекистан.
- Чуркин, 2024** – Чуркин М.К. Сценарии имперской инкорпорации Азиатской России в дискурсе юбилейных торжеств, посвященных 300-летию присоединения Сибири (1881-1882 годы) // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология*. 2024. Т. 23. № 1. С. 120-129.
- Mamraimov et al., 2024** – Mamraimov S.D., Yelshibayev S.K., Tokmurzayev B.S., Abisheva Z.R. Orthodox Missionaryism in the Steppe Region as a Regional Practice of Imperial Religious Policy in the late XIXth – early XXth centuries // *Bylye Gody*. 2024. 19(3): 1425-1432. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1425
- Peretyatko, 2024** – Peretyatko A.Yu. Russian Empire Subjects in the Emirate of Bukhara and the Failed Visit of Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the Purpose of Their Returning (1813) // *Slavery: Theory and Practice*. 2024. 9(1): 3-22.

References

- Abashin, 2008** – *Abashin, S.N.* (2008). Razmyshleniya o «Tsentral'noi Azii v sostave Rossiiskoi imperii» [Reflections on "Central Asia as part of the Russian Empire"]. *Ab Imperio*. 4: 456-471. [in Russian]
- Abashin, 2016** – *Abashin, S.N.* (2016). Turkestan v imperskoj politike Rossii: monografiya v dokumentax [Turkestan in the imperial policy of Russia: a monograph in documents]. M.: Kuchkovo pole. 880 p. [in Russian]
- Churkin, 2024** – *Churkin, M.K.* (2024). Scenarii imperskoj inkorporacii Aziatskoj Rossii v diskurse yubilejnyh torzhestv, posvyashchennyh 300-letiyu prisoedineniya Sibiri (1881-1882 gody) [Scenarios of the imperial incorporation of Asian Russia in the discourse of the jubilee celebrations dedicated to the 300th anniversary of the annexation of Siberia (1881-1882)]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya*. 23(1): 120-129. [in Russian]
- TsGA RUZ** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv Respubliki Uzbekistan [Central State Archives of the Republic of Uzbekistan].
- TsGA RK** – Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv respubliki Kazakhstan [Central State Archives of the Republic of Kazakhstan].
- Dashkovskij, Shershnyova, 2015** – *Dashkovskij, P.K. Shershnyova, E.A.* (2015). Religioznaya politika Rossijskoj imperii v otnoshenii musul'manskih obshchin Zapadnoj Sibiri vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v. [Religious policy of the Russian Empire towards the Muslim communities of Western Siberia in the second half of the 19th – early 20th centuries]. *Narody i religii Evrazii*. 8: 242-264. [in Russian]
- Dzherasi, 2013** – *Dzherasi, R.* (2013). Okno na Vostok: imperiya, orientalizm, naciya i religiya v Rossii [Window to the East: empire, orientalism, nation and religion in Russia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. M. 548 p. [in Russian]
- Fuko, 1996** – *Fuko, M.* (1996). Arheologiya znaniya [Archaeology of knowledge]. Nika-Centr, Kiev. 208 p. [in Russian]
- GIAOO** – Gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv Omskoi oblasti [State Historical Archives of Omsk Oblast].
- Ivanov, 1890** – *Ivanov, A.I.* (1890). Russkaya kolonizaciya v Turkestanskom krae [Russian colonization in the Turkestan region]. SPb: Tip. T-va "Obshchestvennaya pol'za". Pp. 226-244. [in Russian]
- Katkov, 2009** – *Katkov, M.N.* (2009). Ideologiya ohranitel'stva [The ideology of guardianship]. M.: Institut russkoi tsivilizatsii. M. 800 p. [in Russian]
- Kaufmanskij sbornik, 1910** – Kaufmanskij sbornik, izdannyy v pamyat' 25 let, istekshih so dnya smerti pokoritelya i ustrojatelya Turkestanskogo kraja general-ad'yutanta K.P. fon-Kaufmana [Kaufman's collection, published in memory of 25 years since the death of the conqueror and organizer of the Turkestan region, Adjutant General K.P. von Kaufman]. M.: Tipo-litografiya I.N. Kushneryova. 247 p. [in Russian]
- Kruz, 2020** – *Kruz, R.* (2020). Za proroka i tsarya. Islam i imperiya v Rossii i Tsentral'noi Azii [For the Prophet and the Tsar. Islam and Empire in Russia and Central Asia]. *Novoe literaturnoe obozrenie*. M. 408 p. [in Russian]
- Lysenko, 2012** – *Lysenko, Y.A.* (2012). Religioznaya politika kak mekhanizm zakrepleniya imperskikh pozitsii Rossii v Turkestanskom krae (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) [Religious policy as a mechanism for consolidating Russia's imperial positions in the Turkestan region (second half of the XIX – early XX centuries)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*. 4(20): 194-198. [in Russian]
- Lysenko, 2020** – *Lysenko, Y.A.* (2020). Organy gosudarstvennoj vlasti i musul'manskoe naselenie Stepnogo general-gubernatorstva: opyt vzaimodejstviya v reshenii social'no-ekonomicheskikh problem (nachalo XIX v.) [State authorities and the Muslim population of the Steppe Governorate-General: the experience of interaction in solving socio-economic problems (early twentieth century)]. *Voprosy istorii*. 10(1): 245-259. [in Russian]
- Mamraimov et al., 2024** – *Mamraimov, S.D., Yelshibayev, S.K., Tokmurzayev, B.S., Abisheva, Z.R.* (2024). Orthodox Missionaryism in the Steppe Region as a Regional Practice of Imperial Religious Policy in the late XIXth – early XXth centuries. *Bylye Gody*. 19(3): 1425-1432. DOI: 10.13187/bg.2024.3.1425
- Ostaf'ev, 1895** – *Ostaf'ev, V.A.* (1895). Kolonizatsiya stepnykh oblastei v svyazi s voprosom o kochevom khozyaistve [Colonization of the Steppe regions in connection with the question of nomadic economy]. Omsk: Tip. Okr. Shtaba. 68 p. [in Russian]
- Peretyatko, 2024** – *Peretyatko, A.Yu.* (2024). Russian Empire Subjects in the Emirate of Bukhara and the Failed Visit of Sultan Seit-Ali Nur-Aliev for the Purpose of Their Returning (1813). *Slavery: Theory and Practice*. 9(1): 3-22.
- Remnyov, Suvorova, 2013** – *Remnyov, A.V., Suvorova, N.G.* (2013). Kolonizatsiya Aziatskoj Rossii: imperskie i natsional'nye stsenarii vtoroi poloviny XIX – nachala XX veka [Colonisation of Asian Russia: imperial and national scenarios of the second half of the XIX – early XX centuries]. *Izdatel'skij dom «Nauka»*. Omsk. 248 p. [in Russian]
- Semyonov, 1903** – *Semyonov, V.P.* (1903). Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisaniye nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei [Russia. A Complete Geographical Description of Our Fatherland. A Handbook and Travel Guide for Russians. Vol. 18. Kirghiz Region]. T. 18. Kirgizskii kraj. SPb: Izdanie A.F. Devriena. 478 p. [in Russian]

Semyonov, 1907 – *Semyonov V.P.* (1907). Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei [Russia. A Complete Geographical Description of Our Fatherland. A Handbook and Travel Guide for Russians]. T. 16. Zapadnaya Sibir'. SPb: Izdanie A.F. Devriena. 591 p. [in Russian]

Semyonov, 1913 – *Semyonov, V.P.* (1913). Rossiya. Rossiya. Polnoe geograficheskoe opisanie nashego Otechestva. Nastol'naya i dorozhnaya kniga dlya russkikh lyudei. [Russia. A Complete Geographical Description of Our Fatherland. A Handbook and Travel Guide for Russians]. T. 19. Turkestanskiy kraj. SPb: Izdanie A.F. Devriena. 861 p. [in Russian]

Tol'ts, 2010 – *Tol'ts, V.* (2010). Imperium inter pares: Rol' transferov v istorii Rossijskoj imperii (1700–1917): Sb. st. Red. Martin Aust, Rikarda Vul'pius, Aleksej Miller. [Imperium inter pares: The role of transfers in the history of the Russian Empire (1700–1917): A collection of articles. Ed. Martin Aust, Ricarda Vulpius, Alexei Miller]. Novoe literaturnoe obozrenie. M. Pp. 266–308. [in Russian]

Tregubov – *Tregubov, A.* (1909). Kolonizaciya i islam [Colonization and Islam]. *Omskie eparkhial'nye vedomosti*. 24: 29–31. [in Russian]

Venyukov, 1877 – *Venyukov, M.I.* (1877). Oчерk politicheskoy e`tnografii stran, lezhashhix mezhdru Rossieyu i Indieyu [Essay on the Political Ethnography of the Countries Lying between Russia and India]. SPb: tip. V. Bezobrazova i K°. 22 p. [in Russian]

Vert, 2012 – *Vert, P.* (2012). Pravoslavie, inoslavie, inoverie. Oчерki po istorii religioznogo raznoobraziya Rossijskoj imperii [Orthodoxy, non-Orthodoxy, non-belief. Essays on the History of Religious Diversity in the Russian Empire]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie. M. 280 p. [in Russian]

Voshhinin, 1914 – *Voshhinin, V.P.* (1914). Oчерki novogo Turkestana [Sketches of new Turkestan]. SPb: Tip. t-va «Nash vek». 86 p. [in Russian]

Дискурс религиозной политики России в Степном крае и Туркестане в личных текстах имперских экспертов второй половины XIX – начала XX в.

Мендигуль Сагатовна Ногайбаева ^{a, *}, Улан Курметкалиевич Жангалиев ^{b, *},
Гульжазира Естаевна Абикинова ^{a, *}, Гульнар Кажакметовна Балахметова ^c

^a Казахский национальный университет им. Аль-Фараби, Алматы, Республика Казахстан

^b Alikhan Bokeikhan University, Семей, Республика Казахстан

^c Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В статье, на материалах личных текстов чиновников высшей губернской администрации, служащих переселенческих ведомств, публицистов, общественных и церковных деятелей, раскрываются представления имперских экспертов о религиозной политике Российской империи в Степном крае и Туркестане во второй половине XIX – начале XX в. В процессе исследования установлено, что источником формирования представлений политических и общественных элит Российской империи об организации религиозного пространства на восточных окраинах страны являлись убеждения в высокой цивилизаторской миссии русского народа, которая расценивалась как инструмент культуртрегерства в инородческой среде. В сознании власти и в общественном мнении доминировало убеждение в том, что обладание знанием и принадлежность к европейской цивилизации выступает обоснованием морального превосходства русских над инородческим населением окраин, а внедрение в среду кочевых народов земледельческих практик неизбежно приведёт к переходу автохтонов в оседлое состояние. При этом широко было распространено мнение, сообразно с которым кочевники, приняв модели хозяйственной деятельности у русского крестьянина, окончательно вольются в семью христианских народов и не попадут под влияние ислама и мусульманских агитаторов. В дискурсе власти и общества второй половины XIX ст. риторика игнорирования ислама превалировала. В условиях роста несанкционированных переселений и непродуманной политики в землепользовании в Степном крае и Туркестане в конце XIX – начале XX в. ситуация изменилась, что оказалось запечатлено и в представлениях имперских экспертов: культурное влияние крестьянства на кочевое население было признано преувеличенным, а позиции ислама среди инородцев, особенно в условиях политики веротерпимости, легитимированной в 1905 г., значительно укрепились.

Ключевые слова: религиозная политика, политика населения, имперские эксперты, представления, дискурс, Степной край, Туркестан, переселения, православие, ислам.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: nmskaz1129@gmail.com (М.С. Ногайбаева),
kurmetkalievich@mail.ru (У.К. Жангалиев), agulzhazira@mail.ru (Г.Е. Абикинова),
g_ball_01@mail.ru (Г.К. Балахметова)